

АУТЕНТИЧНЫЙ КОНТЕКСТ КАК ГЛАВНЫЙ ПРОЯВИТЕЛЬ ЭМОЦИОНАЛЬНЫХ ОТТЕНКОВ РУССКИХ ДИМИНУТИВОВ

Деривационная семантика русских существительных характеризуется большим разнообразием форм субъективной оценки и обилием эмоциональных оттенков в данных формах. Слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами используются для передачи личного отношения говорящего к предмету. При этом собственно уменьшительное значение может сохраняться, а может стираться, и тогда эмоциональная оценка выступает на первый план и становится преобладающей в словообразовательной семантике слова. При помощи уменьшительно-ласкательных суффиксов существительные в русском языке могут передавать самые разные эмоциональные оттенки как положительные, так и отрицательные: ласку, нежность, сочувствие, одобрение, пренебрежение, презрение, унижение, иронию и т.д. Почти у каждого русского существительного имеется более одной уменьшительной формы. Изучением диминутивных форм существительных занимались языковеды Я.Гримм, А.А.Потебня, В.В.Виноградов, К.С.Аксаков, А.А.Шахматов, И.С.Улуханов и др. В своих работах они указывали на богатство оттенков, передаваемых уменьшительными формами существительных, разнообразие суффиксальных средств их выражения, а также на то, что диминутивы представляют собой формы производящих слов, поскольку не видоизменяют реального значения базисных лексем.

Отличительной особенностью существительных русского языка является то, что они обладают способностью к образованию вариативных дериватов, не поддающихся строгим логическим правилам и чёткой дифференциации. Например, казалось бы однослоговые производящие слова мужского рода *сын* и *брат*, называющие степень родства, должны по одинаковой словообразовательной модели образовывать дериваты с эмоционально-оценочным значением, однако у лексемы *брат*, помимо совпадающих дериватов (*браток* — *сынчик*, *братишка* — *сынчик*), имеются производные *братик*, *братец*, отсутствующие в словообразовательном гнезде слова *сын*.

Выбор того или иного диминутивного варианта обусловлен ситуацией общения, а также отношением говорящего к называемому объекту действительности, которое ему важно выразить в этот момент речи. У носителей русского языка, поскольку они обладают фоновыми знаниями, процесс «рождения» диминутивов происходит неосознанно: в своей речи они прибегают к словам с суффиксами субъективной оценки интуитивно и тонко улавливают все эмоциональные оттенки (иронию, сочувствие, пренебрежение и т.д.) в речи собеседника. Для иностранных учащихся, не обладающих такими фоновыми знаниями, опорой для выявления коннотаций будет выступать контекст, языковое окружение, в котором употребляется слово.

С появлением лингвистических корпусов получение лексемы в её естественном окружении перестало быть непосильным и трудоёмким

процессом. Лингвистический корпус, в нашем случае Национальный корпус русского языка (НКРЯ), в течение нескольких секунд предоставляет пользователю аутентичную информацию о языковом окружении искомого диминутива, отражая его реальное функционирование в обиходно-бытовой сфере, языке СМИ и т.д.

Изучая аутентичные примеры употребления слова *старушонка*, полученные в результате поиска в Основном подкорпусе НКРЯ, можно заметить, что эта уменьшительная форма может нести в себе эмоциональный оттенок нежности и ласки (1), сочувствия и сострадания (2), презрения (3), пренебрежения (4).

1) *Глебов любил эту маленькую, калачиком гнутую старушонку с седым впрожелть, аккуратным пучочком на затылке, с дробным, желтоватым личиком, всегда она колготилась по дому, возилась, шаркала, сновала туда-сюда [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)].*

2) *Кто-то потрогал меня за плечо — я посмотрел: какая-то несчастнейшая старушонка глядела на меня, морщась от жалостных слёз [И. А. Бунин. Чистый понедельник (1944)].*

3) *Чтоб всякая дрянь вперёд людей не лезла. Всяк сверчок знай свой шесток. — Это кто же лезет-то? — Да старушонка тут одна. Ледащая, в чём душа держится. Раньше всех, прости Господи, мерзавка в церкву придёт, а позже всех уйдёт. Кажинный раз всех перестойт [Н. А. Тэффи. Покаянное (1910)].*

4) *Какая-то паскудная старушонка с яростно-зелеными глазами и надутыми на шее жилами стояла и кричала на всю улицу... [И. А. Бунин. Окаянные дни (1925)].*

Принято различать узкий контекст и широкий. Под узким контекстом подразумевается контекст словосочетания или предложения. Для удобства обработки языкового материала узкий контекст в НКРЯ может быть представлен в формате KWIC.

В выше представленных примерах под номерами 2, 4 эмотивные оттенки дериватов легко установить по узкому контексту: прилагательным *паскудная*, *несчастнейшая*. В примере 1 необходим анализ всего предложения, на нежные и ласковые чувства говорящего к пожилой женщине будут указывать слова *любил*, *маленькая* и другие диминутивы: *личиком*, *пучочком*. Этот случай иллюстрирует распространение эмоционального компонента на слова, связанные с диминутивом. В установлении субъективно-эмоциональной оценки говорящего в примере 3 был задействован широкий контекст. В отличие от узкого контекста, широкий контекст выходит за рамки одного предложения. Это может быть несколько предложений, целый абзац или даже целое произведение.

— *Я, кажется, у вас еще ничего не разбила! — возразила она тихо, шипящим голосом. — Ты разбила у меня то, что дороже было для меня всего в жизни, — стакан, который подарила мне императрица Мария Федоровна. — Какой уж это стакан императрицы — стаканешко какой-то! Мавра Исаевна вся побагровела. — Молчать! — крикнула она [А.Ф. Писемский. Русские лгуны (1865)].*

В данном примере значение уменьшительности в сочетании с эмоционально-субъективным оттенком уничижения, умаления достоинства и значимости денотата раскрывается не из одной реплики говорящей, а из всего микродиалога, всей ситуации в целом.

Широкий контекст, предоставляемый корпусным поисковиком НКРЯ, ограничен, как правило, небольшим абзацем или несколькими репликами или

предложениями. Однако этого вполне хватает для установления экспрессивных оттенков.

Следует также отметить, что, пользуясь поисковой системой параллельного подкорпуса НКРЯ, можно не только выявить эмоциональные оттенки русских диминутивов, но и проследить отличия в их передаче средствами других языков. Например, рассмотрев, как та же уменьшительная форма *старушонка* с присущими ей эмоционально-субъективными оттенками реализуется в английском контексте, можно прийти к выводу, что сам диминутив *старушонка* не имеет одного, четко установленного английского эквивалента и может переводиться как «*old lady*» ('пожилая дама'), «*woman of great age*» ('женщина в пожилом возрасте'), «*old wife*» ('старая жена') или просто «*woman*» ('женщина'). Дополнительные эмотивные семантические компоненты (уничуждения и презрения) устанавливаются на уровне узкого контекста прилагательных «*wizened*» ('морщинистый'), «*doddy*» ('неряшливый'), «*wrinkled*» ('морщинистый') и других слов, описывающих старушек.

1) *The woman was so little, and the night still so dark, that we soon lost sight of her; only heard the sound of her steps, and her stick, and a cough that she had by fits, draw slowly farther away [Robert Louis Stevenson. Kidnapped (1886)].*

Старушонка была такая крохотная, а безлунная ночь так темна, что мы быстро потеряли хромоножку из виду; только слышали, как медленно замирают вдали ее шаги, стук костыля и нудный кашель [Роберт Луис Стивенсон. Похищенный (М. Кан, 1967)].

2) *Тут жила родственница их, дряблая старушонка, все еще ходившая всякое утро на рынок и сушившая потом чулки свои у самовара, которая потрепала мальчика по щеке и полюбивалась его полностью [Н. В. Гоголь. Мертвые души (1835-1852)].*

Here there lived a relative of the Chichikovs, a wizened old lady who went to market in person and dried her stockings at the samovar, on seeing the boy, she patted his cheek and expressed satisfaction at his physique [Nikolay Gogol. Dead Souls (D.J. Hogarth, 1931)].

3) *Apparently it was that of a woman of great age so shrunken that in size it seemed no larger than the face of a year-old child, although made up of a number of deep and yellow wrinkles [Henry Rider Haggard. King Solomon's Mines (1885)].*

Это была древняя старушонка, лицо которой так высохло и съезжилось от возраста, что по величине было не больше, чем у годовалого ребенка [Генри Райдер Хаггард. Копи царя Соломона (Н.Б. Маркович, 1958)].

Таким образом, изучение семантики русских диминутивов должно опираться на контекст, неограниченные возможности получения контекстов, в том числе сопоставимых для русского и иных языков, предоставляет НКРЯ. Контекстный анализ диминутивов позволяет установить дополнительные эмотивные и прагматические оттенки уменьшительных форм, тем самым предугадать и объяснить выбор адресантом того или иного диминутивного варианта, а, следовательно, способствовать успешной коммуникации.